

РЕЦЕНЗИЯ

**проф. дфн Христо Петрова Манолакева,
преподавателя литературы ВТУ „Св. Св. Кирилла и Мефодия“ – Филиал г. Враца**

на диссертационный труд на соискание ученой степени „доктора наук“

в: Область 2. Гуманитарные науки

профессиональное направление 2.1. Филология,

Научная специальность: Русская литература (XIX век)

Автор: доц. д-р Николай Михайлов Нейчев, Кафедра русской филологии ПУ „Паисий Хилендарский“

Тема: „Проблема времени в *Пятикнижии* Ф. М. Достоевского. (Хронос. Кайрос. Вечность)“.

В контексте современной исследовательской ситуации, насыщенной идеями постмодернизма, доц. Нейчев возвращается к давно забытому вопросу о темпоральности в художественном тексте. Но пафос ученого не реваншистский, а есть выражение его имманентного общения с творчеством русского гения. Для Нейчева заявленная тема логична, следствие пройденного этапа его собственного общения в прошлые годы с пятью романами („Преступление и наказание“, „Идиот“, „Бесы“, „Подросток“, „Братья Карамазовы“) этого писателя. Новый исследовательский проект собирает амбицию „Тайнственной поэтики“, первой книги ученого, с охватностью взгляда „Литературы и Мессианизма“, его научного труда на получение ученой степени, чтобы показать, что исключительная сложность „Пятикнижия“, как сверхтекст, состоит и в том, что в нем Ф. М. Достоевский разрабатывает собственную доктрину времени, исходя из своих пониманий о христианской эсхатологии. В контексте установленной в последние три десятилетия парадигмы об осмыслении творчества писателя через Логос христианской религиозно-философской традиции тема диссертационная, актуальна и значима.

Общий объем труда – 679 стр. Работа разделена на 6 композиционных частей: введение; три части; заключение; библиографический аппарат. Обособлены и 9 приложений, просле-

живающих употребление различных лексикальных маркеров времени в „Пятикнижии“. В сопоставительном плане та же самая процедура проведена и для романов „В поисках утраченного времени“ М. Пруста; „Отцы и дети“ Ив. С. Тургенева; „Анна Каренина“ Л. Н. Толстого. Со своей стороны, каждая из этих частей исследует один из заявленных в подзаглавии „мотивов“ – хронос, кайрос, вечность. Каждая из частей имеет самостоятельную структуру, включающую: вступление; пять или шесть глав; заключительные слова.

Введение (с. 4 - 7) скорее факультативно; сообразовано с номенклатурой процедурой – оно заявляет тему, выводит цели и задачи, указывает на применяемую исследовательскую методологию.

Сущностное начало работы начинается с Первой части: „Хронос“ (с. 8 – 288). Ее генеральная цель – выяснить отношение Достоевского к идеям времени по отношению к античной философской традиции и современной ему философской мысли. На третьем месте – раскрыть точку зрения по тому же самому вопросу некоторых известных философов XX-го века (Бергсон, Хайдеггер, Сартр), насколько их взгляды превратились в меру, через которую бывают интерпретированы вопросы темпоральности в художественном мире Достоевского. По той же самой причине, в конце, введены и понимания отдельных физиков: Ньютон, Эйнштейн, Пенроуз-Хокинг.

В отношении двух интерпретативных типологем, идеи о времени *до* и *во время* Достоевского, круг используемых для анализа имена в большой степени подсказан в результате исключительно хорошего знания жизни и творчества русского писателя на уровне комментариев. В своих развернутых анализах доцент Нейчев приходит к выводу о том, что концепции и Платона (о концентрически протекающем времени), и Аристотеля (о безначальности и неуничтожимости времени) неприемлемы для христианской ментальности Достоевского. Раскрыты его близость и различие по вопросу и со Св. Августином: через текстовые анализы (частей из „Идиота“, „Братьев Карамазовых“) уточнено, что расхождение между двумя религиозными мыслителями – в связи с толкованием вечности. Подобающим вниманием прослежены диалогизации Достоевского с немецкой классической философией (Кант, Гегель) – проблема, имеющая продолжительную традицию в достоевистике, что позволяет доц. Нейчеву прецизировать в деталях ряд специфических моментов по интересующей его теме. Выяснено, что своим критическим отношением к этим двум Достоевский всушности противопоставляется всей западной философской мысли.

Вторая глава прослеживает в сопоставительном плане его взгляды о времени с двумя из больших современных ему философов – С. Киркегор и Фр. Ницше. Относительно датского философа темпоральная проблематика раскрывает принципные глубинные различия в ос-

мыслении и толковании христианской доктрины – идея о Боговоплощении. Для русского писателя оно является вдохновенным, исключительным мгновением в человеческой истории; для Киркегора вся жизнь – повторение. Гораздо сложнее выглядит это по отношению к Ницше, из-за их категорических расхождений в идейно-философском плане. У Ницше замена Богочеловека с Человекобогом означает отрицание от веры в бессмертии. А это для Достоевского означало бы (насколько диалог между ними всущности идет всегда от немецкого философа к русскому писателю) усомниться в истории спасения, т.е., в сакральности времени после Христа.

Третья глава анализирует идеи о времени в философском наследии А. Бергсона, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра как своеобразный философский подход к творчестве русского писателя. Расхождение их с ним принципиально – у Бергсона, в особенности по отношению к идее о вечности, которая есть некое замерзшее неизменяемое пространство; у Хайдеггера – он категорически отказывается заниматься вопросом о вечности.

Далее следует обзор и физических теорий о времени (Ньютон, Эйнштейн), обобщенных в сходном выводе – они оказывают очевидно слабое воздействие на исследование темпоральности в романах Достоевского.

Итак, в этих *начальных, вводящих* 300 страниц (это реальный объем до главы 5 Первой части) представлен внушительный анализ четырех частей с мнениями по теме. И к каждой прокомментированной точке зрения финализирующий вывод сходен: взгляды Достоевского о времени, как непосредственная рефлексия его религиозно-философских взглядов, не имеют точки соприкосновения с пониманиями привлеченных для интерпретации философов и ученых от античности до наших дней. Само собой, однако, понятно, согласимся, что между двумя позициями априори не может быть близости именно из-за изначально различной религиозной основы, формировавшей мировоззрение русского писателя. Но раз существует предпосылка, тогда почему был необходимым этот сверх расточительный объем. Поймите меня правильно. Прослеженные мною дебаты сами по себе производят впечатление и вызывают интерес, *только они ведутся от имени Достоевского*. Они просто повод, чтобы *диссертант мог провести свой собственный спор с каждым из указанных авторов*. Вошедший в эти дебаты *из-за* Достоевского и увлекшись спором, доц. Нейчев теряет контроль над контекстом, расширяемым неосновательно по отношению к непосредственной жанровой цели диссертации.

Заканчивающая глава – „Грамматика времени“ – резко меняет характер диссертации, направляя исследование к некоему интерпретативному настрою, с которым мы всегда связывали специфический подход доц. Нейчева к русской литературе: аналитич-

но-комментарное прочтение на основе углубленного знания конкретного текста. Отсюда и далее работа становится филологической. Первый шаг в глобальный исследовательский замысел – доказать, что сама тема, т.е., тема времени в „Пятикнижии“, не случайна, не есть следствие метатекстовых пристрастий диссертанта. С такой целью, на основе тщательного лингвостатистического анализа на материале пяти романов, „наглядно“ доказывается исключительно высокая частотность разнообразных словесных маркеров (слово, устойчивые вербальные конструкции, идиомы и пр.) при построении различных представлений о времени (возраст человека, динамика персонажей, изменение движения, ритм, случаи и т.д.).

Вторая часть (Кайрос, с. 289 – 458) раскрывает неуловимую границу встречи (столкновение/трансформация) языческого и сакрального времени в сюжетах „Пятикнижии“. Свойственно русской романистике 19-го века, скорее для традиции после романа в стихах А. С. Пушкина „Евгений Онегин“, это то, что сюжетное действие начинает организоваться по своему внутреннему календарю, сообразованному с протеканием реального социально-исторического времени. Доц. Нейчев доказывает, что сюжеты пяти больших романов Достоевского организованы в соответствии с каноном русского церковного календаря (Юлианского). И это один из бесспорных вкладов в деле выяснения особенностей художественной структуры этих произведений. Ежедневный бытийный порядок неуловимо подчинен сакральному ритму религиозного. Таким образом хронология скрытно приобретает символику иконы времени. Наполняясь смыслом через эту символику, внутренний календарь пяти романов не есть уже только лишь последовательность каких-то дат, а второй сакральный сюжет, чей код задается системой Чети-Миней. Через скрупулезный анализ диссертант показывает нам сложную герменевтическую связанность отдельных пяти сюжетов, как ежедневная календарная последовательность к жизни и делам соответственного святого, который относится к конкретной дате, упомянутой (намекнутой, подсказанной) в действии соответственного романа. Раскрытие этой зависимости между профанным и религиозным является доказательством того, что она актуальна для каждого из пяти произведений, является, быть может, самым важным интерпретативным моментом этой части. Кайрос – это присутствие иного, незримого сакрального времени, направляющего к Смыслу, об этом времени, особенно мы, пользующиеся Григорианским календарем, не обладаем никакой чувствительностью – о времени, которое протекает по ту сторону видимости вещей.

После прочтения возникает несколько провокативных вопросов:

1. Почему наблюдения не распространяются и на эпилоги? Есть исключение – написанное о эпилоге „Братьев Карамазовых“. Сказанное по поводу „Преступления и наказания“ – что о эпилоге, как покаяние и возвращение Раскольникова к вере, уже достаточно подробно говорилось (с. 330 – 331), есть скорее всего риторический захват, устраняющий необходи-

мость именно в *новом* говорении по теме, чем в аргументированной исследовательской позиции. Вопрос можно было бы и конкретизировать: почему в некоторых из романов эпилоги сообразены с религиозным календарем, а для других он не функционален. (Уточняю – для себя я не нахожу ответа, но проанализированная Вторая часть провоцирует рассуждать и в в этом направлении, что, с другой стороны, есть косвенное доказательство ее вклада!)

2. Неужели если бы мы не знали Чети-Миней, не могли бы осуществить верное/правильное религиозное прочтение этих произведений через следы и других распознаваемых знаков русского православного религиозного дискурса?

3. Почему *более подробно* не представлены прочтения Д. Б. Терешкиной, которые, как проблематизация между Чети-Минейми и художественным текстом, очевидно находятся очень близко к исканиям доц. Нейчева?

4. А в этом контексте и другое дополнение по отношению к расточительству в Первой части – не было ли бы правильное раскрыть вопрос о том, как предшествующая исследовательская традиция (но именно как просмотр мнений) осмысляет присутствие этого второго (вписанного/незримого/сакрального) календаря, о котором из исследования подразумевается, что этим интересовались и другие исследователи (Захаров, Касаткина, Сараскина и т.п.)?

Вторая часть – часть вдохновения и наслаждения в результате обнаруживания собственной различной интерпретативной модели, которая парадигматизирует самый важный творческий этап романового бытия Ф. М. Достоевского. Централен для этой модели – концепт о „Вечности“, содержащий идею особого метафизического смысла пяти больших романов писателя. Этому концепту посвящена третья часть диссертации. Считаю, что в большей степени в этой интерпретативной идее заложены заряд, причины, осознанная необходимость в том, чтобы диссертант взялся за это исследование.

Третья часть („Вечность“, с. 459 - 580) лично для меня является самым важным вкладом в диссертации. И в самой большей степени показывает/демонстрирует позитивные стороны интерпретативного подхода доц. Нейчева. Самый важный вопрос, который его занимает, это выяснить как время-как-вечность представлено и изображено в пяти произведениях. Оригинальная идея, что соответственно и теоретически обосновано, состоит по направлению к иконе, т.е., произведение можно рассматривать как своеобразную словесную иконопись, причем художественная структура символически напоминает какой-то иконографический источник и относится к нему. На первый взгляд, идея не новая. Существует множество попыток – в особенности в последние два десятилетия прошлого века в контексте осуществляемого религиозно христианского прочтения русской классической литературы – в пятикнижии находить скрытое присутствие того или иного иконографического сюжета. Только эти анализы ограничивают диалог между словом и образом до отдельных сцен. Новое, которое

доц. Нейчев предлагает, это отнести иконографический канон к целостному сюжету романа. Этой оригинальной идеей, убедительно доказано, анализ открывается к новому интерпретативному горизонту. Иными словами, цель диссертанта не иллюстрировать сюжет через иконографическую образность, а предложить объяснение о построении целостной художественной структуры каждого из этих пяти романов посредством определенного иконографического сюжета, что, как финализирующая интерпретативная процедура, выясняет символичный смысл соответственного произведения.

Прежде всего хочу отчетливо очертить выведенные 9 условий (с. 464), которые обозначают в типологическом плане претворенную в развитии сюжета идею Вечности. Эти условия в самой большей степени раскрывают герменевтическое овладение текстом. Образно говоря, интерпретативное откровение любого текста в сознании диссертанта. Нахожу эти условия как самое значимое в диссертации; они одновременно и следствие, и выражение комментарного перехода через каждое слово отдельного произведения; они говорят об усвоенных, обдуманых контекстах, о феноменальном познании Достоевского как макровселенная. Вот в этом смысле аналитической плотности и углубленности концепт „Вечность“, предложенный нам доцентом Нейчевым как основополагающая типологема о герменевтики пятикнижии, раскрывает религиозность не как пришитую к анализу, а действительно как воплощенную в художественную структуру пяти произведений. Отсюда и далее через их семантическую сеть нам предложено прочтение каждого из пяти произведений, но на этих конкретизациях не буду останавливаться. Нахожу лишней подробностью любую из подглав для колористики текста.

У меня есть и принципиное замечание к приложенным в качестве иллюстративного материала различным изображениям икон. Следовало бы в каждом любом из случаев указывать на время создания каждого произведения, на место ее возникновения, сегодняшнее ее местоположение. В некоторых случаях в качестве примеров используются и образцы из греческой иконографии, что для меня неправильно, так как она не соответствует исследуемой теме. По отношению к ней корректнее было бы отыскать актуальные русские изображения со времен Достоевского. А почему и не образцы старообрядческой иконописи, раз он знал подобные иконы, и они, очевидно, запечатлелись в его сознании.

В „Заключении” (с. 581 - 592) обобщен исследовательский подход, подчеркнута значимость исследуемой темы о конституировании уникальной художественной структуры пяти произведений. Проведенные диссертантом масштабные и респектирующие наблюдения и анализы являются основанием согласиться с этим финализирующим выводом.

Библиографический аппарат („Цитированная литература”, с. 593 – 619) состоит из более 650 библиографических единиц на болгарском, русском, английском, немецком, французс-

ком, греческом языках. Следует отметить, что, исключая интернет-ресурсы, в своей „русской“ части она актуальна и современна, охватывая исследования до 2022 года включительно.

Автореферат, в объеме 64 стр., подготовлен в соответствии с академическими требованиями – он аналитически представляет основные положения диссертационного труда; в 8 пунктах отмечены основные достижения исследования. Приложен и список публикаций по теме – 15 публикаций: 5 студий и 10 статей, опубликованных в авторитетных научных сборниках и журналах у нас и за границей.

В заключение обобщу свои наблюдения таким образом:

1. Представленный труд „Проблема времени в Пятикнижии Ф. М. Достоевского. (Хронос. Кайрос. Вечность)“ доц. д-ра Николая Михайлова Нейчева вводит в достоевистику фундаментальный вопрос о темпоральности „Пятикнижии“, заданный и развернутый здесь впервые как научная проблема в связи с философско-религиозной доктриной писателя. Тема четко очерчена, углубленно и аналитично разработана на основе исключительно компетентного вхождения в необозримые измерения контекстов, которые составляют смысл этих пяти больших романов.

2. Представленный труд является вкладом в аналитично-доказательственную часть разработанной проблемы о трансформации профанного в сакральном времени (вечности), создающем сверхсмысл „Пятикнижия“.

3. Исследование современно, целостно, законченно и обладает характеристикой самостоятельной монографии.

4. Подчеркнутые ценные и имеющие научный вклад моменты являются для меня основанием оценить положительно исследование „Проблема времени в Пятикнижии Ф. М. Достоевского. (Хронос. Кайрос. Вечность)“ и абсолютно убежденно предложить уважаемому Научному жюри присудить доц. д-ру Николаю Михайлову Нейчеву ученую степень доктора филологических наук.

София, 23.01.2023 г.

Рецензент: .....

(подпись)

Проф. д.ф.н. Христо Манолакев